

СХИМОНАХ ЕВФИМИЙ (ЛЮБИМЧЕНКО) († 1866)

Отрадно для нашего бессмертного духа вспоминать деяния святых мужей, которые путь земной жизни ходили в законе Господни, поучаясь в нем день и ночь, ищущи всем сердцем Господа, как говорит Псалмопевец. Таковые, через многолетние свои самоотверженные подвиги и различные искушения, по благодати Божией, взойдя на высоту духовного совершенства, сделались светочами посреди братии, между которыми они проводили многотрудную и многопользную свою жизнь. Одним из таких замечательных подвижников был схимонах Евфимий, подвизавшийся безвыходно в Глинской пустыни сорок восемь лет; он служил образцом для современных ему насельников этой обители, а для младших братии был духовным воспитателем, как истинный ученик старца Филарета. При всяком случае и во всякое время таковым он старался внушать уроки иноческой жизни, передавать правила строгого монастырского чиноположения, каковое он принял от своего наставника приснопамятного настоятеля старца Филарета. Строго соблюдая его во всю жизнь, он всегда твердил всем, говоря: "Так нас учил старец Филарет, так и вы исполняйте и передавайте другим для исполнения, если желаете быть его (Филарета) учениками".

Схимонах Евфимий был призван божественной благодатью на путь иноческой жизни на 23-м году от рождения. В миру было имя его Евстафий Любимченко; он уроженец Полтавской губернии Зеньковского уезда, из вольноотпущенных дворовых людей помещика Суммы. Время поступления его в Глинскую пустынь в точности неизвестно. В послужных списках он в 1818 году значится послушником Глинской пустыни, находящимся на предварительном испытании. Вероятно, это и был год его поступления в монастырь.

Вначале послушник Евстафий проходил различные трудные послушания, какие в пустынных монастырях назначаются новоначальным: кухня, хлебопекарня и прочие черные работы. Трудясь неленостно и внимательно, послушник Евстафий своей кротостью и благонаравием скоро обратил на себя внимание настоятеля и братии и был назначен келейником к настоятелю старцу Филарету. Из последующей его жизни видно, что послушник Евстафий, находясь всегда при своем богомудром настоятеле старце Филарете, имел сердце открытое для принятия духовных внушений, которые принимал от него с детской верой и любовью к нему. Преподаваемые уроки для иноческой жизни он старался глубоко внедрять в свое сердце, так что для него всякое слово, исходящее из уст настоятеля Филарета, было непреложным законом, которого ни в каком случае нельзя не выполнить. Уже будучи в старости, когда он передавал молодым братьям слышанные им наставления от настоятеля Филарета, он подтверждал, говоря: "Так учил нас старец Филарет".

В 1827 году Евстафий, уже носивший рясу и камилавку, был определен на пономарское послушание. Таковое назначение, судя по ревности его к храму Божию, было для него истинным духовным утешением. Нужно заметить, что в то время в Глинской пустыни пономарское послушание считалось весьма почетным, а при этом и весьма ответственным, так как пономарю поручались ключи от церкви и все, что находится в церкви, и все доходы церковные, т.е. сбор денег молебных, проскомидных, исповедных, запивных и

СХИМОНАХ ЕВФИМИЙ (ЛЮБИМЧЕНКО)

прочие; все сборы поручались ему бесконтрольно, посему на пономарское послушание назначались братья испытанные и весьма благонадежные.

Пономарь должен был смотреть за чистотой алтаря и церкви; его обязанность — зажигать свечи, лампы и все прочее алтарное и церковное дело, но особой бдительности требовалось от него в том, чтобы всегда быть готовым в известный момент, так как в Глинской пустыни устав требовал строгого исполнения в точности определенного времени для известного богослужения. По уставу Глинской пустыни утренняя начинается в двенадцать часов ночи. Пономарю к этому времени нужно быть всегда готовым, чтобы к исходу двенадцатого часа принять от настоятеля благословение и затем следить, чтобы в точности в известную минуту ударить три раза в колокол "на повесть", а затем спешить отворять церковь и зажигать огни. Так как пономарь при всяком богослужении первый входит в церковь и выходит последним, то для исправного исполнения дел требуется особенное воздержание, всегдашняя бдительность; там тщательные пономари если ложились отдохнуть, то не раздеваясь и не распоясываясь, чтобы быть готовыми. Евстафий с самого начала под руководством старца Филарета проводил жизнь строгую: труд, бдительность и воздержание были ему присущи и постепенно входили ему в обычай; поэтому для тщательного Евстафия всегдашнее пребывание в храме Божиим было духовным утешением и весьма удовлетворяло потребности его ревностного духа.

В 1832 году 20 декабря Евстафий был пострижен в мантию строителем Филаретом и наименован Евфимием. Еще до принятия ангельского образа монах Евфимий проводил жизнь подвижника. По принятии же на себя благого ига Христова он прилагал внимание ко вниманию. Испытывая на опыте, как действителен бывает для очищения сердца Божественный страх, который, по словам Псалмопевца, "чист пребывает во век века" (Пс. 18, 10), монах Евфимий начал прилагать труды внутреннего духовного делания для приобретения этой очистительной добродетели. Из его наставлений впоследствии молодым братьям ясно видны его прежние сокровенные делания и приемы для внедрения в свое сердце страха Божия, нераздельно пребывающего с непрестанной памятью Божией. Ясно, что монах Евфимий поставил себя в присутствии всевидящего и вездесущего Бога и перед Его зрением совершал свои внешние дела и внутренние подвиги. Он запечатлел в своем сердце, что простертое на него зрение Божие наблюдает все его и внешние подвиги, и внутренние мысленные движения души. О таком состоянии говорит пророк Давид: "Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся" (Пс. 15, 8). Продолжая свой внутренний труд, он при содействии благодати Божией настолько успел в приобретении этой добродетели, что она проникла все его душевное существо, как бы соразволилась с ним и пребывала всегда неотлучно в его сердце. Уже в глубокой старости, бывши изможденным воздержанием и подвигами, когда он проходил по церкви, то держал себя в таком настроении. Внимание его было сосредоточенное, благоговейно погруженное внутрь себя, руки по швам, ногами переступал на одних пальцах (на цыпочках) так тихо, как бы он проходил в присутствии Самого здесь сидящего Господа и смотрящего на него.

Впоследствии, внушая другим братьям уроки о приобретении добродетели — страха Божия, старец Евфимий говаривал, что подвиг сей требует не одного внутреннего сосредоточения, но и внешнего попечения о благопристойном расположении тела в благоговейном настроении. Это последнее весьма содействует внутреннему душевному благонастроению. "Ты, — говорил он, — старайся себя держать в такой благопристойности, как держат себя в присутствии земного Царя, особенно когда бываешь в храме Божиим, где Господь являет Свое особенное присутствие".

Настоятель Глинской пустыни, принимая во внимание строго подвижническую жизнь монаха Евфимия, относился к нему весьма почтительно и, желая назначить его духовником, как искусного старца, для руководства молодых братии, предложил ему принять священный

сан. Но монах Евфимий, руководясь свойственным ему подвижническим смиренномудрием, отказался наотрез, он сказал настоятелю: "Отче святой! Тому, кто должен учить других, надо прежде постараться самому все знать, а я еще только начинаю учиться".

Внимательный к движениям своей души, монах Евфимий всегда уклонялся от всяких почестей. Он говорил: "Чтобы успешнее вести брань со страстью честолюбия, для этого лучше отсечь раз навсегда самые причины, возбуждающие в нас поводы к честолюбию, потому что пожеланиям нашего ветхого человека конца нет. Если получишь одно, то хотения наши разгораются к получению еще другого высшего, если получишь другое, пожелания еще более умножаются к получению еще высшей степени, и так далее и так далее. Получив сан диакона, непременно пожелаешь получить сан иеромонаха, а далее также пожелается получить набедренник, а еще далее и какую-либо почетную должность, и так в этой области нашим пожеланиям нет предела. Посему самое лучшее сразу преградить путь этому отсечением причин к получению почестей. Заменить все одним исканием приближения к Богу; этим путем душа наша скорей достигнет желанного покоя".

Хотя подвижник Евфимий сам, по своему глубокому смирению, уклонился от принятия священного сана, но впоследствии некоторым другим братьям, слабейшим духом, не советовал без причины уклоняться от предлагаемого священства. Вероятно, этот самоотверженный поступок не прошел ему даром: не мог же оставить его в покое враг рода человеческого, борясь с которым преподобный Серафим стоял тысячу суток на камне, когда отказался два раза от предлагаемого настоятельства в сане архимандрита.

Старец Евфимий, следуя изречению своего Спасителя во святом Евангелии: "Иже аще хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга" (Мф. 20, 26), отклонив от себя священный сан, решил быть меньшим слугой в святилище алтаря Господня, чтобы прислуживать всем священнослужителям. Уже когда многие из его учеников были диаконами и иеромонахами, он при богослужении, подавая кадило и другие принадлежности, со смиренным почтением целовал их руки, отдавая должное священному сану, не обращая внимания на то, что эти ученики, почтенные иеромонахи, обращались к нему с глубоким уважением и благоговением и принимали от него уроки жизни.

Проходя пономарское послушание многие годы, старец Евфимий свободные часы посвящал другим занятиям. Он трудился в саду, сажал деревья, окапывал и поливал; то же делал и внутри монастыря, в палисадниках около братских корпусов.

Часто старец Евфимий удалялся в чащу леса; там в уединении от всякой суеты он предавался молитвенному созерцанию, к известному времени возвращаясь из леса в монастырь. Как любитель природы, он отыскивал кусты диких замечательных цветов, выкапывал эти кусты, приносил в монастырь и высаживал их около собора на площадке монастыря, заботясь о них, чтобы они не засохли. Таким образом он засадил дикими цветами всю верхнюю площадку, на всем ее пространстве, от собора вверх до архиерейского сада и от теплой церкви до просфорного корпуса. Эта площадка в летнее время, когда природа одевалась в свою красоту, представляла сплошной разноцветный красивый ковер, издающий тончайшее приятное благоухание. Приходилось видеть, как уже в старости лет старец Евфимий поддерживал эту площадку насаждением новых кустов цветов, а вечерами приходил на площадку любоваться этими дивными созданиями — цветами, воздавая хвалу Создателю всяческих.

Подвиги внутренние и внешние старца Евфимия в годах его мужества и до старости скрыты от нас неизвестностью, за исключением некоторых весьма малых сведений, каковые он высказывал при случае братьям, обращавшимся к нему за наставлениями относительно борьбы со страстями.

Однажды, укрепляя в борьбе вопрошавшего его брата, он рассказал ему о себе, как он сам в молодости однажды боролся с блудным духом, нападавшим на него с ожесточением. Желая отразить его разжженные стрелы, он связал себя по нагому телу узловатой бечевкой и покрепче скрутил чуркой; не давая себе пищи и покоя, он ходил целую неделю по лесу, день и ночь не развязывая бечевки. В таком положении с крепким сердечным воплем обращался он ко Господу, молясь об избавлении от налегавшей брани. И когда приспела помощь Божия, он, ощутив в сердце мир и во всем теле покой, решился снять бечевку со своего тела, но эта последняя оказалась глубоко ввевшейся в тело. Кожа под бечевкой, воспалившись, присохла к ней. Когда он отодрал бечевку с кожей, по всему протяжению оказалась сплошная рана. Кровь лилась по всему телу, а подвижник, смотря на это и терпя болезнь, улыбаясь, приговаривал себе: "А что, Евфимий, хорошо? Может быть, еще чего захочешь? Тогда еще не то тебе будет". Этот факт высказал подвижник при случае, желая укрепить брата в борьбе с врагом. Если принять во внимание сокровенность подвижников, которые всячески стараются скрывать свои подвиги и другие дела, то надо верить, что подобных самоистязаний подвижник Евфимий перенес немало, но они ведомы единому Господу.

По послужным спискам значится, что старец Евфимий в 1853 году послушания не проходил по болезни, а в 1854 году был уволен за штат. Затем в 1855 году уже говорится: "временно пономарит". 1856—1857 годы

тоже временно пономарит. Действительно ли была болезнь причиной к увольнению за штат старца Евфимия? Или, быть может, это канцелярский обход того времени? Причины к увольнению за штат в то время бывали следующие. Всякий настоятель имел право с разрешения Святейшего Синода постригать в монашество такое число братии, какое полагалось по штату, это число бывало весьма ограниченное, посему некоторые монастыри терпели весьма чувствительный недостаток в священнослужителях. Чтобы иметь возможность постричь способных братии, нужно было наперед иметь для сего свободные вакансии, следовательно, надо было исключить неспособных за штат. Настоятели того времени вынуждены были прибегать к такому обходу, так что приходилось приписывать некоторым и слабость старческую, и болезнь для исключения за штат. По всей вероятности, и старец Евфимий, как отказавшийся от принятия священного сана, а для такового состоять в штате или за штатом все равно, был по указанной причине уволен за штат. Здесь приходится не особенно полагаться на канцелярские указания, которые в силу необходимости иногда не выполнялись. Голос братии добросовестно свидетельствует, что старец Евфимий проходил пономарское послушание тридцать лет. Это последнее утверждали братия, глубоко почитавшие старца, следовательно, и знавшие это основательно. В общем смысле и списки подтверждают то же самое. В 1827 году показано, что рясофорный послушник Евстафий пономарит; в 1857 году монах Евфимий, ровно через тридцать лет, все еще пономарит. Далее уже говорится, что по болезни послушания не проходит.

Постриг в схиму старца Евфимия был совершен в пятидесятых годах, когда он был уволен за штат, а так как постриг был совершен в тайне, то имя ему не переменялось.

Старец Евфимий строго соблюдал все установления настоятеля Филарета: он носил всегда низенькую камилавку, не более двух вершков в высоту, каковую носил в свое время и настоятель старец Филарет, а также и вся его братия при его управлении; круглых схимнических камилавок в Глинской пустыни тогда не было, и схиму как старец Евфимий, так и прочие схимники снаружи не носили, а надевали только тогда схиму, когда приступали приобщаться Святых Тайн и то под мантией. Наружностью же схимники не отличались по одежде от мантийных монахов ни мантией, ни камилавкой. Вообще старцы-схимники в то время смиренно избегали всякой показности для посторонних зрителей, чему подражатель был и старец Евфимий.

Схимонах Евфимий, проходя тридцать лет пономарское послушание, имел почти непрерывное пребывание в храме Божиим. Всегда при начале богослужения входил первым и по окончании продолжительного пустынного богослужения и всех треб выходил последним, следовательно, для отдыха и принятия пищи ему оставалось времени немного. Такое многолетнее пребывание во святилище Божиим, где приносится непрерывное славословие и хвала Господу сил, обратилось ему в такую привычку, которая требовала сего пребывания как бы какой жизненной потребности.

Когда старец Евфимий по старости лет не мог исполнять пономарского послушания и был уволен по слабости здоровья, то, несмотря на свою слабость, он на всякое богослужение спешил к началу и выстаивал внимательно до конца. В Успенской теплой церкви, в правом приделе, на солее около ризницы была сделана отдельная форма, эту форму старец Евфимий выпросил себе у настоятеля и в ней как бы поселился; у него там имелись некоторые принадлежности, требующиеся иногда: книжки, полотенце, гребешок, скамеечка, подушечка из шерсти. Сей подвижник был настолько внимательный, что не пропускал рассеянно мимо слуха чтения в храме Божиим; всегда углубляясь в смысл песнопений и чтений, он богато питал ими свою душу, а когда постарел и слух ему стал изменять, а при этом еще и случаются чтецы со слабым голосом, в таких случаях, когда читались кафизмы, старец Евфимий брал низенькую скамеечку и подходил близко к чтецу, садился и слушал внимательно чтение, а иногда брал свою маленькую шерстяную подушечку, подходил к солее и склонялся грудью на железную решетку, предварительно подложив подушечку; таким образом стоя неподвижно, углубляясь в смысл читаемого, здесь уже он не мог уронить ни одного слова. Старец Евфимий от сильных подвигов и постнического воздержания был очень сух, вследствие этого охранял свою изможденную грудь шерстяной подушечкой от жесткости и холода железной решетки, на которую он склонялся.

Подвижник схимонах Евфимий, стремясь к высшему совершенству, давно уже порвал всякие связи с внешним миром; он стремился отрешиться и своими чувствами от всего видимого тварного в мире сем. Его пребыванием были два места: храм Божий — место всегдашнего общественного песнопения и молитвословия, и келлия — место уединенных подвигов и молитвы, но и эту последнюю он обставил так, что она не была похожа на обыкновенное человеческое жилище. Она была уставлена зелеными сосновыми ветками, особыми сосновыми причудливыми наростами, какие бывают иногда на деревьях; по стенам и по окошкам, где только можно пристроить, виднелись сухие наросты грибных пород, губни сухие, которые растут на сухих деревьях, зеленый мох и другие растения, которые прочно могут сохраняться в сухом виде. Старое кресло, на котором он сидел, было все обложено такими наростами и обставлено сосновыми ветками. Все такое украшение на закоптелых стенах представляло вид не келлии, а пещеры в диких каменистых скалах. По стенам довершали украшение картины бумажные и живописные, изображения преподобных древних подвижников: Павла Фивейского, увешанного листьями, Антония Великого, сидящего в пустынной пещере; Илии пророка у потока, получающего пищу, принесенную вранами; далее преподобный Малх, плененный сарацинами, в пустыне коз пасет; и другие сим подобные. Видно было, что он готов был подражать великим столпам иночества, готов переселиться в пустыню к тем, которые были за тысячи лет перед его временем, но за невозможностью переселиться туда переносился к ним мысленно и жил с ними духом.

Как преданный ученик игумена Филарета, схимонах Евфимий весьма радел о соблюдении чиноположения, установленного игуменом Филаретом в Глинской пустыни. В церкви положенное пение, чтение, поклоны, сидение, стояние и все прочее тогда строго соблюдалось в точности по преподанному порядку игумена Филарета. Вновь поступающей братии передавались точные сведения всего церковного чиноположения. Старец Евфимий много содействовал поддержанию такового благонастроения; он знал, что новоначальные, особенно молодые братия, приходят в обитель с открытым сердцем для принятия всего

передаваемого и что весьма полезно направлять их в самом начале в правилах монастырского благоговейного настроения, а посему обращал особенное внимание на новоначальных, он указывал, как держать себя, проходя по монастырю, как держать себя, идя по церкви, часто показывал это собственным примером. "Когда идешь по церкви, — говорил он, — будь внимательный, держа себя в таком настроении по внешности, в каком держат себя подданные в присутствии земного царя, по внутреннему же чувству помни, что на тебя зрит Царь Небесный, здесь в храме Божиим он являет Свое особенное присутствие. Когда идешь, по сторонам не смотри, руки держи по швам, ступай ногами тихо и благочинно, старайся проходить так, чтобы шествие твое совершенно не было слышно, чтобы не помешать вниманию молящихся".

Старец часто подходил к новоначальным в церкви и указывал самые приемы собственным примером, как в благоговейном чувстве полагать земные поклоны. Он говаривал: "Смотри, брат, я тебе покажу, как нас учил старец Филарет". Он становился рядом с новоначальным братом, приняв позу благоговейного настроения; при этом внушал помнить, что предстоишь и поклоняешься великому Царю Небесному, зрящему на нас; он полагал внимательно на себе крестное знамение, тихо опускал на землю вначале правое колено, затем левое и поклонялся, касаясь челом земли. Затем поднявшись на оба колена, он вставал вначале на правую ногу, потом на левую. У него так выходило, что поклон полагался на самом том месте, где ногами стоит молящийся. Все сказанное старец Евфимий передавал молодым братьям в простоте сердца, с непритворной отеческой любовью, истинным желанием преподать им урок того действительного внешнего и внутреннего монастырского общежительного иноческого благонастроения, которого сам был первый строгий исполнитель, посему слово его, растворенное сердечной любовью, было весьма действующим. Благодаря его вниманию, в церкви при богослужениях братией поддерживался однообразный чин и даже однообразные приемы действий.

Тридцать лет исполняя пономарское послушание, схимонах Евфимий усвоил себе в совершенстве знание церковного устава и многосложного местного чиноположения, установленного в Глинской пустыни, так что к нему обращались при всех недоумениях. Это был живой Типикон Глинской пустыни.

Прожив в Глинской пустыни безвыходно сорок восемь лет, схимонах Евфимий не изменил своей природной национальности. Несмотря на то что среди Глинской братии преобладал русский элемент, он в полной неприкосновенности сохранил свой природный малороссийский язык, всегда говорил на украинском наречии. В простоте души он-водрузил в своем сердце страх Божий и пребывал непрестанно во внутренней молитве с любимым Господом Сладчайшим Иисусом, имя Которого молитвенно носил в своем сердце.

Роста старец Евфимий был выше среднего. Тело его от воздержания было весьма сухо; он был очень стройный и подвижный, лицо правильное, несколько продолговатое, совершенно постнического вида.

Нос ровный, умеренный, глаза светлые, блестящие. Борода умеренная, седая, несколько продолговатая, красивая. Черты изможденного лица всегда сосредоточенные, но при этом всегда отражали знаки внутреннего духовного радования. Благодатное отражение на его лице видно было всегда для внимательных зрителей, которое отражалось иногда приятной неестественной белизной и показывало светло-сиятельный тонкий оттенок.

К концу 1865 г. старец Евфимий почувствовал от старости и подвигов ослабление сил, но, несмотря на телесную немощь, всегда бывал в церкви на богослужении. А в 1866 г. к концу января он совершенно заболел. Предсмертная болезнь приковала его к одру. Но обратившаяся в природу привычка к храму Божию, к богослужению, песнопению, слушанию слова Божия, влекла его неудержимо в храм Божий. Он просил братию водить его в церковь

на богослужение. Время было зимнее, и случилась оттепель, так что погода стояла ненастная, ходить было очень скользко, но несмотря на все это, его, едва движущегося, одевали в подрясник, мантию, клобук и водили или, лучше сказать, почти носили на руках два монастырских брата в теплую церковь и усаживали на правой стороне, на приступочке близ чтеца, где он, сидя, выслушивал богослужебное пение и чтение. Старец сидел неподвижно, опустив голову, закрыв лицо клобуком. Мне, пишущему эти строки, в то время часто приходилось читать около сидящего старца; смотря на него, я не раз думал, жив ли он или уж святая его душа отлетела в горние селения. По окончании богослужения он давал знать; и его отводили в келлию, а на следующее богослужение он опять просил вести его в церковь. Таким образом продолжали его водить, пока он уже совершенно не изнемог.

Когда старец приблизился к кончине, он просил напутствовать его Святыми Таинствами; просьба была исполнена: над ним совершили Таинство Елеосвящения и Святого Причащения. По принятию Тела и Крови Христовых он сидел на коечке, мирно ожидая своего переселения в иной мир. При светлой улыбке на его лице из его глаз падали слезы. Один из братии по своей простоте спросил отходящего старца: "Батюшка, что вы плачете! Разве и вы боитесь умирать?" Старец посмотрел на него с приятной улыбкой и сказал: "Чего мне бояться? Идти к Отцу Небесному и бояться! Нет, брат, я, по благодати Божией не боюсь, а что ты видишь мои слезы, это слезы радости. Столько лет душа моя стремилась ко Господу, а теперь приближается желанное время, я скоро предстану Тому, к которому всю мою жизнь стремилась душа моя и увижу Его: вот слезы и текут".

Таковой любовью и божественным страхом преисполнена была душа старца-подвижника, отходящего от земного бытия, и от радости, что он скоро увидит любимого Господа, у него из глаз лились слезы; таковое утверждение в надежде чуждо всякого смущения, а посему, мирно пребывая в сердце своем с любимым Господом пресладким Иисусом, он скоро испустил тихий последний вздох, с которым блаженная его душа оставила земное многотрудное тело и потекла к любимому Господу со страхом и радостью.

Так окончил свое земное многотрудное подвижничество сей дивный подвижник схимонах Евфимий, на 71-м году своей жизни 7 февраля 1866 года.

Тело же его было опрятано по обычаю иноческого чиноположения, и началось чтение Святого Евангелия.

На второй день 8-го числа утром был совершен вынос в церковь, а после заупокойной литургии — соборне исходное последование монашеского погребения. Когда совершалось последнее целование, от тела его разлилось дивное благоухание, которое многие внимательные из братии ощутительно обоняли, воздавая славу Господу, прославляющему святых своя. По окончании отпевания гроб был поднят на руках братии и отнесен на братское кладбище в ближний скит Иоакима и Анны; здесь около задних ворот в уготованную могилу был опущен гроб при молитвенных песнопениях по чиноположению церковному. Так сокрыто было в земных недрах тело того, которого душа в пламенной любви всю жизнь стремилась ко Господу и достигла такого сыновнего страха, который уже не мучает, а радует.

Цитируется по книге:

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. М., «Самшит», 1997 г.